

— Одну баночку крабового, одну рыбного и цзинь креветочного, — сказала молодая женщина у прилавка на Южной улице, прицениваясь к товару. — Скинь немного в цене. Я же с утра уже брала у вас два цзиня морских червей и пару крупных крабов. Дай хорошую цену, я и дальше к вам буду ходить.

— Крабовый — пятьдесят вэнь за банку, рыбный — восемьдесят, цзинь креветочного — тридцать. Всё вместе выходит сто шестьдесят, — рассчитал Су И и спокойно добавил: — У нас мелкая торговля, по-хорошему цену сбавлять не положено, но раз уж вы с утра и теперь к нам дважды заглянули, да ещё почти к закрытию, так и быть, посчитаю вам сто пятьдесят. Своего рода благодарность.

Он быстро и ловко отмерил креветочный соус, а в конце специально добавил полную лишнюю ложку так, чтобы женщина наверняка это заметила. Та вроде бы ещё собиралась поторговаться, но, увидев прибавку, только махнула рукой. В конце концов, при такой покупке скинуть десять вэнь и так неплохо.

— Дай два чистых горшочка, — велела она. — Я в родительский дом везу.

— Не беспокойтесь, всё будет как надо, — кивнул Су И.

Су И аккуратно упаковал две оставшиеся баночки, плотно их закрыл, заклеил крышки красной бумагой и бережно уложил в плетёную корзинку с ручкой.

Проводив покупательницу, он по привычке взял тряпку, протёр прилавок, а потом сменил тряпку, чтобы вытереть горшки. При разливе соус неизбежно капал, а если всё не протирать регулярно, в такую жару быстро налетят мухи, да и вид будет неряшливый.

Закончив, он наклонился с тряпкой, чтобы сполоснуть её в тазу с водой. У них было разрешение пользоваться колодцем на Южной улице, ведь за торговое место платилась пошлина. Каждое утро Чжун Мин первым делом приносил два ведра воды, чтобы помыть пол и умыться, а вечером ещё два, для уборки после работы.

Когда Су И обернулся, в поле его зрения попал Чжун Мин. Тот стоял неподалёку с лёгкой улыбкой, явно уже давно наблюдаая.

— Когда ты вернулся? Почему не позвал? — спросил Су И, на лице которого мгновенно проступило радостное удивление, уголки губ приподнялись, глаза изогнулись в мягкой улыбке. В этот миг в глазах Чжун Мина он показался особенно живым и особенно милым.

— Смотрю, как наш уважаемый босс Су бизнесом занят, не решился мешать. — Чжун Мин улыбнулся ещё шире.

Чжун Мин, продолжая подшучивать, подошёл ближе и перехватил у Су И тряпку из рук. Ему

очень хотелось прямо сейчас показать ему серебряный слиток, но, подумав, что они стоят всё же посреди улицы, где полно народу, решил, что не стоит. Он сдержался и только поторопил:

— Время уже не раннее, пойдём скорее домой, Сяо Цзай, поди, заждался.

— Я тоже как раз думал: как только ты вернёшься, сразу соберёмся, почти всё распродали, — откликнулся Су И.

С тех пор как они всерьёз обустроили лавку с соусами, после полудня прилавков уже не пустовал, потому хотя бы один всегда оставался сторожить товар. Теперь они обычно вдвоём приходили с утра, в обед перекусывали прямо на месте, а если Чжун Мин после этого получал от хозяев ресторанов заказ и аванс, то спешил на лодке домой, чтобы отправиться в море, а уже во второй половине дня возвращался, чтобы развезти товар и вместе с супругом свернуть лавку.

Так же случилось и вчера, когда управляющий из дома Хуан пришёл разыскивать его и наткнулся как раз на такую ситуацию.

А если у Чжун Мина на день не было других дел, он сам оставался на прилавке, а Су И отпускал с лодкой кого-нибудь из соседей. Семья Тан, или семья третьего дяди, или двоюродные - все они торговали рядом, из одного клана, беспокоиться было не о чем.

В таком случае Су И мог и не приезжать на рынок, а остаться дома — заняться хозяйством или, если сильно устанет, даже поспать днём, а Чжун Мин возвращался домой один, ближе к вечеру.

Казалось бы работать в ларьке - дело не трудное: подошёл покупатель, поздоровался, подал соус, посчитал — и всё. А на деле утомляет не меньше. Особенно Су И: он не такой раскованный, как Чжун Мин, хоть за годы и привык к мелкой торговле, но если покупателей становилось слишком много, он будто выматывался до дна и дома потом мог сидеть с пустым взглядом, заметно уставший и молчаливый.

— Днём, гляжу, дело шло бойко? Та женщина только что вроде три баночки унесла, — сказал Чжун Мин, проверяя бочку с водой: одна ещё наполовину полная, а другая — пустая. Он вылил грязную воду из тазика, остатки из полной бочки тоже туда перелил, потом взял коромысло и приготовился идти за новой порцией.

Су И тем временем присел, чтобы прополоскать тряпку, и, подняв голову, с лёгкой улыбкой ответил:

— Неплохо. Моллюсковый соус, конечно, дороговат, его мало кто берёт, но мы ведь и делаем его немного, так что ничего не пропадает. А вот те, кто пробовал рыбный соус, возвращаются, говорят, доели и захотелось ещё. Один даже признался, что сначала не любил, а потом втянулся, теперь просит сделать поострее. Ах да, моллюсковый соус почти закончился, надо бы

снова набрать побольше.

Он выпалил всё разом, а потом, чуть смутившись, задумался — не болтает ли он слишком много, и взглянул на Чжун Мина, опасаясь, не наскучил ли тому. Но тот, похоже, вовсе не скучал, напротив, с момента возвращения с лица не сходила улыбка, будто с ним случилось что-то хорошее.

Перед тем как возвращаться на лодку, нужно было ещё закупить овощей. Су И выбрал у одного из крестьян половину широкой, как ладонь, дольки зимней тыквы; торговец завернул её в лист и подал. Дома её собирались сварить с сушеными креветками, так получится ароматный, чуть сладковатый суп.

Чжун Мин стоял за его спиной. Мимо проходил торговец горячими лепёшками, зазывая покупателей. Завидев его, Чжун Мин наклонился к Су И и негромко спросил:

— Хочешь лепёшек? Возьмём несколько на ужин, тогда кашу не будем варить.

Лепёшки были не из дешёвых. Иногда можно было купить одну, просто чтобы порадовать себя, но чтобы брать их на полноценный ужин — это уже расточительство. Су И хотел было отказаться, решив, что лучше сэкономить, но, увидев, как весело светятся глаза у Чжун Мина, не захотел портить настроение. К тому же тот ведь весь день трудился, что в этом такого — захотел полакомиться горячей лепёшкой? Су И просто не смог отказать.

— Возьми, — сказал он, принимая тыкву и вставая, затем порылся в мешочке с монетами. — У меня есть мелочь.

— Не надо, — отозвался Чжун Мин. — Ещё дома будем подсчитывать дневную выручку. Заплачу тем, что у меня с собой.

Чжун Мин окликнул торговца и, не мелочась, сразу заказал десять лепёшек. У того в корзине под тканью всего-то было чуть больше двадцати, и за один раз Чжун Мин скупил почти половину.

Продавец аж расцвёл в улыбке, в придачу дал им ещё одну, чуть поменьше — то ли теста в конце не хватило, то ли просто неформатную. Обычно такие лепёшки продавали на монету дешевле, или отдавали в нагрузку, всё равно не в убыток. Чжун Мин поблагодарил, попросил упаковать маленькую отдельно, а остальные сложил в корзину на коромысле.

Он заметил, как Су И немного растерялся от его щедрости, будто хотел что-то сказать, да не решался — абрикосовые глаза округлились, длинные ресницы чуть дрожали при каждом моргании. Чжун Мин сдержал вдруг участившееся сердцебиение, наклонился и тихо объяснил:

— Эти лепёшки два раза укусил, и нету. Если меньше купить, не наешься. Я ещё второй тёте

парочку занесу, так и вовсе ничего не останется. Да и день сегодня радостный, позже, на лодке, всё расскажу.

Су И был по-настоящему ошеломлён: взять сразу десять лепёшек - такое даже не каждый праздник позволишь, не говоря уж о буднях. Даже торговец, что только что продал ему тыкву, вытянул шею, с удивлением косясь в их сторону. В голове всплыли слова второй тёти: «У Чжун Мина раньше была дурная привычка: деньги в руках не держатся, как вода сквозь пальцы утекают, ты уж приглядывай». Но с тех пор как Су И стал ему супругом, он ни разу не видел, чтобы тот и впрямь транжирил. Один только раз купил железный котёл, выложив несколько лян, но это ведь вещь нужная, в хозяйстве пригодилась.

Разве сегодняшняя покупка лепёшек не подпадает под «транжирство»?

Су И сам не знал, стоит ли говорить, как начать, и не рассердится ли Чжун Мин, если он всё-таки заговорит. Но услышав, что у покупки был свой повод, он заметно расслабился.

— Тогда расскажешь дома, — сказал он, улыбаясь в ответ на добродушную мину Чжун Мина. В ямочках на щеках затаилось предвкушение: что же это за радость такая, ради которой купили целых десять лепёшек?

Позже, когда он держал в руках слиток серебра весом в пять лян, и узнал, что это только задаток, а после выхода Чжун Мина в море им достанется ещё сорок пять, он не просто удивился — он впал в ступор.

Такой красивый серебряный слиток, и не один, а целых десять!

А его супруг просто достал его из-за пазухи и сунул ему в ладони, будто это обычная вещь — мол, полюбуйся, поддержи.

За эти дни на торговле они действительно выручили немало мелких монет и разменяли их на серебро, но целый слиток был совсем другой историей. Даже лом серебра не шёл в сравнение.

Су И провёл по нему рукой раз, другой, третий, не в силах наглядеться, ум даже не успевал обдумать, что с этими деньгами делать. Вся голова будто заполнилась только одним: «Какой красивый серебряный слиток...»

Но в какой-то момент, когда пальцы вновь скользнули по прохладному металлу, в голове внезапно щёлкнуло — что-то тут не так. Улыбка на лице Су И тут же сменилась тревогой. Он с беспокойством взглянул на Чжун Мина:

— За что дом Хуан готов отдать столько серебра? Что они хотят от тебя?

Чжун Мин, вернувшись домой с серебряным слитком в кармане, едва ли не летел на крыльях,

даже про ароматическое саше забыл. А теперь, глядя, как его супруг радуется, он сам не мог не радоваться до той поры, пока не понял, что, даже держа серебро в руках, тот не забывает переживать за него.

Это чувство — будто в сердце кто-то капнул мёда.

Пока дул попутный ветер, он убрал вёсла, поднял парус и, воспользовавшись моментом, зашёл в каюту, уселся прямо перед Су И и, улыбаясь, успокаивающе заговорил:

— Не бойся. Дело вовсе не опасное. Дом Хуан, точнее, вторая ветвь семьи, хочет нанять меня отправиться с их судном в море, поискать для их старшей госпожи морской деликатес на день рождения. Называется он «мэйхуашэнь» - морской огурец в форме цветка сливы.

Су И нахмурился. Взгляд стал серьёзным, от прежней радости не осталось и следа, только тревога.

— Если бы дело было простым, за него бы не платили так много.

Серебряный слиток тут же потерял для него всю прелесть, сердце тревожно застучало. Ведь его родного отца унесло море. Потом дядю. Среди людей воды такие истории были привычными, но когда беда касалась близких, разве можно по-настоящему не волноваться?

Последние дни Чжун Мин всё время держался ближе к берегу, и Су И почти успел забыть: какой же мужчина из людей воды проживёт всю жизнь, не выйдя в открытое море? Настоящий сын моря должен хоть раз уйти в дальние воды и поймать большую рыбу, только тогда его по-настоящему можно назвать достойным.

Дальнее море — это и шанс, и риск.

Чжун Мин достал серебро с намерением порадовать супруга, но радость продержалась совсем недолго, теперь тот выглядел так, будто вот-вот расплачется. Чжун Мин мог только ругать себя за то, что забыл купить ароматическое саше. Будь оно сейчас под рукой, можно было бы хотя бы отвлечь разговор в другую сторону. А теперь не оставалось ничего, кроме как коряво, сбивчиво объяснять:

— Да правда, ничего страшного. У семьи Хуан корабль не такой, как наша лодчонка, это настоящее морское судно, на котором и купцы ходят, и груз возят, даже сильный шторм ему не страшен. А моряки там все мастера своего дела. На корабле и еда будет, и койка в каюте есть. Мне только днём нырять и искать, что нужно. Найду что-то стоящее, они мне ещё сверху заплатят.

Су И молча потянулся и сжал его за рукав:

— А надолго ты уйдёшь?

Опытные рыбаки знали: если хочешь найти по-настоящему дорогой улов, нужно плыть как можно дальше. А уж то, что называли мэйхуашэнем, если имелось в виду действительно нечто достойное подарка старой госпоже из богатого дома, должно быть крайне редким. Если бы оно водилось у берега, он бы наверняка уже слышал о нём.

Он слишком хорошо знал, насколько обширно море. На простой деревянной лодке, какой пользовались люди воды, даже если выдвинешься на рассвете и вернёшься с последним лучом солнца, далеко не уйдёшь. Соответственно, стоит отплыть подальше, и ночевать придётся прямо на лодке, либо швартоваться на каком-нибудь безлюдном островке.

— Плыть всего на три-пять дней, сам господин из дома Хуан сказал — не больше пяти, — успокаивал он, видя, как из руки Су И вот-вот выскользнет серебряный слиток. Он вновь вложил его в ладонь супруга, накрыл сверху своей широкой рукой и мягко проговорил: — Я плыву не только из-за серебра. Хочу заодно и воспользоваться возможностью увидеть, что такое открытое море. А когда мы с тобой сами накопим достаточно, тоже купим большую лодку, что ходит в дальнее плавание.

Он заглянул в глаза Су И и добавил:

— Эти пятьдесят лян, как только будут у нас на руках, я уже знаю, на что их потратить. Видишь, зима на носу. Каждый год, как похолодает, на лодке становилось сыро и промозгло, каждый раз Сяо Цзай непременно болел. Ты сам тоже слаб здоровьем, скорее всего, и в этот раз не обойдётся.

— Помнишь, в прошлый раз, когда приходил пятая тётка, он говорил, что в последние годы в их посёлке на Юйшань начали строить дома на сваях, из тех же хороших пород дерева, что и на лодки идут. Там можно отгородить пару-тройку комнат, отдельно устроить кухню и уборную. Сухо, чисто, а так как дом стоит на воде и приподнят над поверхностью, то сырость туда не проникает, и от ветра-дождя защищён. Если тогда у нас будет своя комната для Сяо Цзая, он не будет мешать нам, и вообще... разве не хорошо?

Сначала всё звучало вполне пристойно, но к последнему предложению даже самому наивному стало бы ясно, что на уме у Чжун Мина на самом деле.

Другие молодожёны в первое время обычно спят в своей новой лодке, хоть ночью, хоть днем, никого не стесняются. А у них маленький Чжун Хань, и пусть штора между ними и натянута, но что она может заглушить?

Су И смутился до предела, застыл весь, как деревянная доска. Именно из-за этого он и не решался довести дело до конца, хоть и были у них те ласки, но всё ограничивалось руками. Чжун Мин при этом всегда держал себя в руках, не желая навредить его хрупкому телу. Даже при этом Су И уже несколько раз не смог сдержать звуков, и это слышал Чжун Хань — спросонья, сквозь шторм, он как-то даже спросил, почему они всё ещё не спят. Су И тогда

готов был сквозь землю провалиться, или с лодки прямо в воду сигануть.

Чжун Мин, поняв, что его мысли выдали себя, ничуть не смутился. Он наклонился так, чтобы оказаться на одном уровне с глазами Су И, взглянул ему прямо в лицо, губы изогнулись в лёгкой улыбке, и тихо, почти шёпотом, сказал:

— Ты только скажи... разве это не было бы хорошо?

— Лишь бы ты вернулся живым, — тихо сказал Су И. — Всё остальное... как хочешь. Всё будет по-твоему.

Как только он это произнёс, Чжун Мин тут же склонился ближе, наклонившись к его уху, и прошептал что-то. Су И тут же залился краской до самых ушей, уши моментально вспыхнули ярким румянцем. Он с укором уперся ладонями в плечи мужчины и попытался оттолкнуть его, но Чжун Мин нарочно налёг всей тяжестью, и Су И, не справившись, только беспомощно, с лёгким раздражением стукнул его кулачком.

Откуда ему было знать, что именно такая его смущённая, сердитая и робкая реакция только сильнее будоражит Чжун Мина?

Высокая фигура всё медленнее нависала над ним, не давая отступить. И вот уже кончик носа и губы Су И запылали густым румянцем, дыхание сбилось, вырываясь едва слышными, хриловатыми вздохами. Звук их таял в бескрайнем просторе моря и неба, растворяясь в закатной тишине.

<http://bllate.org/book/13583/1205027>